КОНТРАКТ НА ЧУВСТВА

18+

Анна Чер

Анна Чер

Контракт на чувства

«Автор»
2026

Чер А.

Контракт на чувства / А. Чер — «Автор», 2026

После развода Виктория Лебедева привыкла рассчитывать только на себя. Но талант архитектора не помогает расплатиться с долгами бывшего мужа, а времени, чтобы собрать деньги на лечение дочери, почти не осталось.Александр Волков привык получать желаемое. Владелец сети элитных отелей, холодный и расчётливый, он предлагает Виктории сделку: год фиктивного брака в обмен на помощь дочери и пять миллионов долларов.На публике — идеальная пара. Дома — отдельные спальни. Никаких чувств.Виктория уверена: эти условия легко выполнить. Пока не замечает, как бережно Александр держит её уснувшую дочь. Пока его замкнутый сын не начинает ждать её возвращения. Пока мужчина, за которого она вышла ради денег, не становится тем, кого страшнее всего потерять.Но у их брака есть срок. А у женщины из прошлого Александра — копия контракта.Что останется между ними, когда тайна перестанет быть тайной, а любовь больше нельзя будет спрятать за подписью?

© Чер А., 2026
© Автор, 2026

Анна Чер
Контракт на чувства

Глава 1. Право на ошибку

— Мам, а если я сегодня не буду уставать, мне можно в садик?

Я замерла с расчёской в руке.

Соня сидела на кухонном табурете, болтая ногами в полосатых носках. На столе остывала каша. Рядом лежала резинка с жёлтым подсолнухом — единственная, которую дочь разрешала вплетать в волосы без переговоров.

— Сегодня ты побудешь с тётей Леной.

— Опять?

— Она обещала научить тебя делать бумажных лис.

— Я уже умею.

— Тогда научишь её.

Соня подумала и кивнула: такое распределение обязанностей её устраивало.

Я провела расчёской по тонкой пряди. Ещё полгода назад дочь вертелась так, что заплести её удавалось только под мультфильм. Теперь сидела спокойно. Слишком спокойно для пятилетнего ребёнка, которому полагалось с утра требовать одновременно блинчики, собаку и немедленное наступление лета.

Телефон завибрировал возле сахарницы.

На экране высветилось сообщение из клиники.

«Виктория Андреевна, просим подтвердить возможность внесения предоплаты…»

Я перевернула телефон экраном вниз.

— Больно — сказала Соня.

— Что?

— Ты волосы тянешь.

— Прости, зайка.

Я ослабила прядь и поцеловала дочь в макушку.

Предоплату нужно было внести до пятницы. Сегодня был вторник. Вчера я уже продала серьги, которые мама подарила мне на окончание института. Денег хватило на лекарства, аренду квартиры и часть просроченного платежа по кредиту.

На операцию — нет.

— Ты сегодня строить?

— Пока только показывать, как можно построить.

— Большой дом?

— Отель.

— Это где люди спят не у себя?

— Именно.

Соня повернулась ко мне всем корпусом.

— Сделай там ночники.

— Обязательно.

— Только чтобы из кровати можно было выключать. А то идти страшно.

— Учту пожелание заказчика.

Она улыбнулась, и я наконец смогла вдохнуть нормально.

В прихожей щёлкнул замок: Лена открыла дверь своим ключом.

— Девочки, я принесла сырники и плохие новости. Лифт опять не работает.

Моя подруга вошла на кухню, оценила нетронутую кашу и мгновенно переключилась:

— Софья, поступило срочное задание. Нужно проверить, съедобны ли сырники.

Соня слезла с табурета.

Лена дождалась, пока она отвернётся к пакету, и тихо спросила:

— Ты ела?

Я кивнула.

Она посмотрела на мою пустую чашку.

— Понятно.

— После встречи.

— После встречи ты позвонишь мне и скажешь, что получила работу.

— Там ещё четыре кандидата.

— У них есть ты?

Я невольно улыбнулась.

— Нет.

— Значит, шансы хорошие.

В коридоре я надела пальто, проверила тубус и ещё раз открыла папку на планшете. Презентация. Рабочие планы. Предварительная смета. Две версии освещения. Расчёт, над которым я просидела почти всю ночь.

Из зеркала на меня смотрела женщина, которую вполне могли принять за успешного специалиста: тёмные волосы собраны на затылке, белая блузка, прямые чёрные брюки, спокойное лицо.

Синяки под глазами удалось скрыть не полностью, но вряд ли на собеседовании собирались рассматривать меня так близко.

Я уже взялась за ручку двери, когда Соня окликнула:

— Мам!

Она стояла возле Лены, прижимая к груди старого плюшевого зайца.

— Ты им скажи про ночники. А то забудут.

— Скажу.

И вышла раньше, чем дочь успела заметить, что у меня дрожит подбородок.

***

В приёмной «Волков Групп» пахло кофе и новой кожей.

За панорамными окнами висела низкая московская облачность. Сорок второй этаж делал город почти бесшумным: машины двигались внизу, как на макете, не имея отношения к мокрым сапогам, забитым вагонам метро и людям, которые считали остаток на карте перед покупкой продуктов.

Я поставила тубус возле кресла.

Напротив сидел мужчина с серебристыми висками. Он листал на ноутбуке визуализации, которые я узнала: его бюро недавно оформило ресторан на Патриарших. Справа девушка в безупречном бежевом костюме разговаривала вполголоса:

— Нет, личное участие Волкова не подтверждали. Но если будет он, защищать концепцию станет Денис.

Я посмотрела на дверь переговорной.

Личное участие Волкова не входило и в мои планы.

Заказ касался общественных пространств нового флагманского отеля: лобби, лаунж-зоны и нескольких прилегающих помещений. Отбор финалистов проводила проектная команда. По крайней мере, так было написано в письме.

В папке у меня лежали три распечатанных листа договора с прежним заказчиком — на случай, если спросят про последний реализованный объект. Я вытащила их, переложила глубже. На обороте одного Соня нарисовала нас с ней возле дома с огромным жёлтым окном.

Дверь открылась.

Из переговорной вышел молодой человек с красными пятнами над воротником.

— Они сами не знают, чего хотят, — сказал он кому-то по телефону, проходя мимо. — Я объясняю: это мировой тренд…

Дверь закрылась прежде, чем я услышала остальное.

— Виктория Андреевна Лебедева?

Я поднялась.

— Да.

— Проходите, пожалуйста.

В переговорной было прохладно.

Длинный стол, экран во всю стену, несколько бутылок воды. Женщина в очках представилась Ириной Сергеевной, руководителем проекта. Рядом с ней сидел мужчина из финансового отдела; видимо, с ним мы уже общались по почте.

Третий стоял у окна спиной к двери.

— Александр Сергеевич, последний кандидат, — сказала Ирина.

Он повернулся.

В интернете Александр Волков выглядел старше. Возможно, дело было в официальных фотографиях или в том, что я ожидала увидеть человека, которому его состояние придавало дополнительный возраст.

Передо мной стоял высокий темноволосый мужчина в графитовом костюме и белой рубашке без галстука. Густые волосы, чётко очерченные скулы, прямой нос. Красивый — это я отметила с раздражающей быстротой.

Потом он посмотрел на часы, и впечатление стало менее приятным.

— У вас пятнадцать минут.

— В письме было указано тридцать.

Ирина Сергеевна чуть приподняла голову.

Я мысленно закрыла глаза.

Не лучшее начало, Вика.

— Обстоятельства изменились, — ответил Волков.

— Тогда я покажу основное, а техническую часть отправлю отдельно.

Он указал на свободное место.

Я подключила планшет. Пока открывался файл, положила перед собой карандаш — старая привычка, от которой не могла избавиться даже на цифровых презентациях.

На экране появился первый слайд.

— Ваша исходная концепция строится вокруг симметричного лобби с центральной стойкой регистрации. Я предлагаю изменить расположение стойки и разделить потоки гостей…

— Почему? — перебил Волков.

— Сейчас человек, входящий с улицы, попадает прямо в очередь заселяющихся. А гости ресторана пересекаются с багажным сервисом вот здесь.

Я отметила участок на плане.

— Если перенести стойку вправо, открывается проход к лифтам и появляется место для небольшой зоны ожидания.

— Центральная композиция согласована.

— Да. Поэтому в моём варианте сохраняются ось и вид на внутренний двор. Меняется функция центральной зоны.

— На кресла?

— На возможность присесть после дороги.

Он сел во главе стола.

— Продолжайте.

Я переключила слайд.

Тёплый камень, тёмное дерево, матовая латунь. Несколько источников света вместо одной громадной люстры. Визуализация получилась именно такой, какой я хотела: дорогой, но не пугающей.

В этой комнате у человека не возникало бы желания сперва проверить, достаточно ли чистая у него обувь.

— Здесь мало выразительных элементов, — заметил Волков.

— Они есть. Просто не все видны с порога.

— Гость должен сразу понимать, куда попал.

— По качеству пространства — да.

— Вы считаете, что мраморная лестница этому мешает?

Я посмотрела на изображение парадной лестницы, оставленное на дополнительном слайде для сравнения.

— В этом месте она мешает проходу. Ещё она занимает почти треть площади, которую можно использовать.

— Это архитектурная доминанта.

— Тогда давайте дадим ей достаточно места. Сейчас между ней и колонной не разойдутся два человека с чемоданами.

Мужчина из финансового отдела придвинул к себе распечатку.

— А стоимость демонтажа?

— Я не предлагаю демонтаж. Лестница пока существует только в проекте.

Он поднял глаза, потом перевернул страницу. Ирина Сергеевна сделала пометку.

Волков молчал.

Я внезапно почувствовала, как под блузкой между лопатками скользнула капля пота.

Мне нужна была эта работа. Не абстрактный интересный проект для портфолио. Не возможность заявить о себе. Аванс по договору позволял внести предоплату в клинику и на несколько месяцев перестать просыпаться от звука каждого уведомления.

Можно было сказать, что лестница прекрасна.

Вернуться к согласованной планировке.

Обсудить оттенок камня.

— Покажите проход, — сказал Волков.

Я увеличила чертёж.

Он встал и подошёл к экрану.

Вблизи оказался ещё выше, чем я подумала сначала. Мне пришлось отступить, освобождая ему место. До меня донёсся слабый запах его парфюма — древесный, без сладости.

— Здесь метр сорок, — произнёс он.

— Между конструкциями. После облицовки и ограждения останется меньше. Размеры есть на следующем слое.

Я включила его.

Волков изучал план несколько секунд.

— Почему этого нет в заключении консультантов?

Ирина Сергеевна перелистнула свои бумаги.

— Проверю.

Он вернулся на место.

— Что ещё?

Я сжала карандаш чуть слабее.

— В предварительном задании почти не проработан вечерний сценарий освещения. При такой высоте потолка верхнего света будет недостаточно для комфортного ожидания. И слишком много для ночного заселения.

Следующие десять минут я говорила о материалах, уборке, акустике и о том, почему светлый бархат возле главного входа красиво смотрится только до первого мокрого ноября.

Меня перебивали. Я открывала расчёты. Финансист дважды возвращался к стоимости столярных изделий, и оба раза мы находили нужные строки.

Постепенно я перестала замечать Волкова как мужчину.

Почти.

До тех пор, пока он не забрал у меня карандаш, чтобы отметить что-то на плане. Его пальцы на мгновение коснулись моих, и я потеряла конец собственной фразы.

— Вы говорили о покрытии, — напомнил он.

— Да. О покрытии.

Я опустила глаза к образцам.

Просто усталость. Четыре часа сна и кофе натощак.

Ничего другого.

— Это всё? — спросил он, когда на экране появился последний слайд.

— По основной концепции — да.

— У вас остались две минуты.

Я посмотрела на часы. Он всё-таки дал мне почти тридцать.

— Тогда ещё одна деталь.

На экране появилась небольшая ниша рядом с лаунж-зоной: мягкая скамья, низкий столик, полка с книгами.

— Детская зона? — спросила Ирина Сергеевна.

— Не игровая. Тихое место. Отсюда видна стойка регистрации, а отсюда, — я указала на соседний ракурс, — ребёнка видит взрослый, который заполняет документы. Здесь можно почитать или зарядить телефон.

— У нас не семейный курорт, — сказал Волков.

— Нет. Но семьи будут приезжать.

— Для этого предусмотрены диваны.

— На них тоже можно сидеть. Эта ниша просто немного спокойнее. Без музыки прямо над головой.

— У вас есть дети?

Вопрос прозвучал неожиданно.

— Дочь.

— Возраст?

— Пять лет.

Он ещё раз посмотрел на экран.

— Поэтому книги?

— Поэтому светильник не нагревается и провод спрятан. Книги — потому что иногда телефон разряжается.

Впервые за всё время уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Расчёт по этой зоне пришлите отдельно.

Я кивнула и потянулась к планшету.

Телефон в сумке завибрировал.

Один раз. Второй.

Я знала этот ритм: Лена звонила через мессенджер. Мы договорились, что по пустякам она будет писать.

Я застыла.

Экран уже погас, но через секунду засветился снова.

— Извините, — сказала я. — Мне нужно ответить.

Волков посмотрел на сумку.

— Мы ещё не закончили.

— Я понимаю.

Я вышла в коридор, прикрыв за собой дверь.

— Лена?

— Вика, спокойно, всё нормально.

Я прислонилась к стене.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Из поликлиники позвонили, перенесли время анализов. Я не поняла, вам натощак или нет, решила уточнить, пока Соня не доела сырник.

Я закрыла глаза.

В груди всё ещё гулко стучало.

— Натощак. Это другие анализы. Мы завтра…

Я объяснила. Дважды переспросила про Соню. Услышала на заднем плане возмущённое: «Я только половинку!» — и наконец отняла ладонь от стены.

— Как у тебя? — спросила Лена.

Я посмотрела на закрытую дверь.

— Пока не знаю.

***

Когда я вернулась, финансист уже собирал бумаги.

— Прошу прощения, — произнесла я.

Волков стоял возле стола.

— Срочное?

— Да.

Он задержал на мне взгляд. Я вдруг вспомнила, что утром слишком старательно наносила консилер, и почти наверняка сейчас от него ничего не осталось.

— Ирина Сергеевна свяжется с вами, — сказал он.

Вот и всё.

Знакомая формулировка.

Я отключила планшет и аккуратно свернула провод. Защёлка на тубусе никак не попадала в паз. Пришлось остановиться, выдохнуть и попробовать ещё раз.

— Виктория Андреевна, — обратилась ко мне Ирина, — оставьте, пожалуйста, образцы.

Я выложила на стол камень, дерево и ткань. Неоплаченный набор, который нужно было вернуть поставщику в четверг.

— До конца недели подойдёт?

— Да, конечно.

Волков ничего не сказал.

У лифта я достала телефон.

Три сообщения от банка.

Одно от бывшего мужа.

«Вик, выручи до выходных. Очень надо. Потом всё отдам».

Я смотрела на эти слова, пока не открылись двери.

Потом удалила сообщение.

На первом этаже было людно. Кто-то стряхивал зонт, курьер спорил с охраной, две женщины обсуждали, где пообедать. Жизнь продолжалась с обидной непринуждённостью.

Я отошла к окну и открыла письмо из клиники.

Сумма не изменилась.

Почему-то именно это оказалось последней каплей.

Не то, что встреча закончилась ничем. Не Волков с его пятнадцатью минутами. Не сообщение человека, после которого я до сих пор платила за чужие обещания.

Просто сумма оставалась прежней, сколько бы раз я на неё ни смотрела.

Я заблокировала экран.

Можно было позвонить в студию, где мне предлагали чертежи на сдельной основе. Взять ночную подработку. Ещё раз написать в фонд. Попросить клинику…

— Виктория Андреевна!

Я обернулась.

Ко мне быстро шла Ирина Сергеевна.

— Хорошо, что вы ещё здесь.

Я выпрямилась.

— Да?

— Вы сможете завтра к десяти приехать на объект? Нужен паспорт для пропуска. Обувь лучше без каблука.

Я молчала, не позволяя себе понять её неправильно.

Ирина улыбнулась:

— Александр Сергеевич согласовал вашу кандидатуру.

Тубус выскользнул у меня из-под локтя. Я успела поймать его возле самого пола.

— На весь объём?

— На концепцию и дальнейшее проектирование общественных зон. Как обсуждали. Договор сегодня отправят.

— А аванс?

Вопрос вырвался слишком быстро.

Улыбка Ирины стала сдержаннее.

Я почувствовала, как горят щёки, но отворачиваться не стала.

— Мне нужно понимать график платежей, — добавила я уже спокойнее. — Чтобы планировать работу с подрядчиками.

— Тридцать процентов после подписания. Финансовый отдел сможет провести платёж в течение двух рабочих дней.

Я коротко кивнула.

Два дня.

Четверг.

Я успевала.

— Спасибо.

— Не благодарите раньше времени, — сказала Ирина. — Он непростой заказчик.

— Я заметила.

Она протянула мне визитку.

— По организационным вопросам звоните мне. И ещё: вашу концепцию Александр Сергеевич будет курировать лично.

Я подняла глаза.

— Все этапы?

— Полагаю, да. Обычно он подключается на согласованиях, но здесь…

Она не договорила, только поправила папку под мышкой.

— Завтра в десять. Не опаздывайте.

Когда Ирина ушла, я ещё несколько секунд стояла у окна с её визиткой в руке.

Потом набрала Лену.

— Ну? — ответила она вместо приветствия.

— Меня взяли.

На другом конце стало тихо.

— Вика?

— Меня взяли, Лен.

Голос всё-таки подвёл.

Я отвернулась к стеклу и прижала пальцы к переносице.

— Я знала, — сказала она. И шмыгнула носом так громко, что я рассмеялась.

Через минуту трубку отобрала Соня.

— Мам, ты сказала про ночники?

Я посмотрела на своё отражение. Выбившиеся тёмные пряди, мокрые глаза, нелепая счастливая улыбка.

— Почти. Про них я скажу завтра.

— Не забудь.

— Теперь точно не забуду.

***

Наверху, в опустевшей переговорной, Александр Волков ещё раз открыл последний слайд презентации.

На визуализации было что-то неуловимо неправильное для его отеля.

Низкая полка. Книги, расставленные не по цветам. Смятая подушка на скамье — дизайнер зачем-то добавила её в безупречное компьютерное изображение.

Он увеличил картинку.

На столике лежал раскрытый альбом с детским рисунком.

Телефон завибрировал.

Сообщение от помощника:

«Юрист подтвердил встречу на четверг. Просит не переносить. По вопросу завещания вашего отца».

Волков погасил экран.

— Договор Лебедевой отправили? — спросил он у вошедшей Ирины.

— Готовят.

— Пусть сегодня закончат. И согласуйте выезд на объект.

— На десять. Вам поставить в календарь просмотр итогов?

Он закрыл презентацию.

— Нет. Я поеду сам.

Глава 2. Несущие стены

В половине второго ночи я нашла в договоре пункт, из-за которого едва не лишилась работы ещё до её начала.

«Заказчик вправе вносить изменения в утверждённую концепцию без ограничения их количества…»

Я прочитала предложение ещё раз.

Потом посмотрела на таблицу этапов, на сроки, на сумму аванса.

Этой суммы хватало, чтобы клиника подтвердила дату госпитализации Сони. Не на всё лечение — впереди оставалась такая цифра, которую я пока не могла представить деньгами, только количеством бессонных ночей. Но первый платёж позволял двигаться дальше.

Нужно было просто подписать.

Я даже открыла окно электронной подписи.

За стеной тихо кашлянула дочь.

Я встала, прошла в комнату и поправила сползшее одеяло. Соня спала на боку, подсунув ладонь под щёку. Заяц лежал поперёк подушки, словно охранял её сон, не слишком справляясь со своими обязанностями.

На полу возле кровати сохли бумажные лисы.

Одна — с тремя ушами.

Я подняла её, поставила на комод и вернулась к ноутбуку.

Последний раз, когда я согласилась на неограниченные правки, заказчик шесть недель передвигал кухонный остров. Потом сообщил, что мы «не совпали по видению», и не оплатил заключительный этап.

Я до сих пор помнила его кухню до сантиметра.

И не могла позволить себе ещё одну такую.

В письме Ирине я выделила спорный пункт и предложила два круга изменений в рамках утверждённого задания. Всё остальное — с отдельным согласованием сроков и стоимости.

Проверила, не звучит ли это вызывающе.

Убрала слово «принципиально».

Вернула.

Отправила.

После этого ещё минут десять сидела перед экраном.

Умение отстаивать свои условия особенно прекрасно, когда у тебя есть чем платить за квартиру.

***

К стройплощадке я приехала в девять сорок.

На проходной у меня проверили паспорт, нашли фамилию в списке и выдали каску, яркий жилет и защитные ботинки.

— Свои переобуете в бытовке и там можете оставить, — сообщил охранник.

Я с благодарностью посмотрела на новые тяжёлые ботинки. Мои сапоги выдержали бы ещё одну московскую зиму только из чувства солидарности.

На территории пахло мокрым бетоном, деревом и сваркой. Этот запах действовал на меня лучше кофе.

Пока отель существовал в виде высоких проёмов, серых стен и людей, которые переносили что-то длинное с выражением крайнего неодобрения. Но я уже видела, как здесь будет падать свет.

У главного входа стояли Ирина Сергеевна и коренастый мужчина в расстёгнутой куртке.

— Доброе утро, — сказала я.

— Виктория Андреевна. Знакомьтесь, Павел Олегович, руководитель строительства.

Мы пожали руки.

— Это вы лестницу отменили? — спросил он.

— Пока только предложила пересмотреть.

— Понятно.

По тону было непонятно ничего хорошего.

— Я вам ночью письмо отправила, — обратилась я к Ирине.

— Видела. Передала юристам.

— До подписания мне нужно…

— Я прочитал.

Волков подошёл со стороны парковки.

На нём было тёмное пальто, под ним — белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. Из-под каски выбивалась прядь густых тёмных волос. Почему-то без переговорного стола между нами он казался менее официальным и гораздо более опасным для моей способности сосредоточиться.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе. Два круга правок?

— В пределах утверждённого задания.

— А если результат меня не устроит?

— Тогда нужно будет понять почему. Ошибки в своей работе я исправляю за свой счёт.

Он остановился напротив.

— Вы ещё ничего не сделали, а уже ограничиваете заказчика.

Сзади коротко скрипнул гравий под чьей-то подошвой.

— Я ограничиваю объём работы, — ответила я. — Чтобы назвать срок, за который смогу её выполнить.

Очень хотелось добавить что-нибудь мягкое.

Например: «Но мы, конечно, договоримся».

Я промолчала.

Волков посмотрел на Ирину.

— Внесите.

И пошёл ко входу.

Я не сразу двинулась следом.

— Вы хорошо начали, — негромко сказала Ирина.

— Это ирония?

— Нет. Идёмте, здесь лучше не отставать.

***

Будущее лобби оказалось больше, чем на чертежах.

Так случалось всегда: цифры я понимала, а высоту всё равно ощущала только на месте. Подняла голову, прикинула расположение светильников и едва не столкнулась с остановившимся передо мной Волковым.

— Здесь? — спросил он.

Я проследила за его взглядом.

На полу аэрозольной краской был отмечен контур будущей лестницы.

— Здесь.

Я достала лазерную рулетку.

Павел Олегович наблюдал за мной с терпением человека, которому взрослые мешают работать.

— Контрольные замеры вам пришлют, — сказал он.

— Буду благодарна.

Я всё равно включила прибор.

На плане колонна имеет равноудалённую привязку к соседним координационным осям. В реальности получилось другое.

Я измерила повторно.

Потом проверила привязку к стене.

— У вас актуальная версия? — спросил Павел.

— Та, которую прислали для конкурса.

Он подошёл ближе, взглянул на планшет.

— Это ранняя.

Ирина повернулась к нему.

— В папке стояла пометка «последняя».

— Изменения были на прошлой неделе. Перепривязали шахту.

Я медленно провела пальцем по экрану.

Если шахта сместилась, менялась не только лестница. Предложенная мной стойка регистрации тоже попадала в неудобное место.

Вчера я защищала планировку, часть которой уже не соответствовала зданию.

Волков протянул руку:

— Покажите.

Я отдала планшет.

Он сравнил план с помещением.

— Ваше решение работает?

Можно было попросить время. Сказать, что без полного комплекта документации рано делать выводы. Всё это было бы правдой.

Но ответ он спрашивал другой.

— Не в том виде, в котором я его показала.

Павел Олегович отвёл глаза.

Я почувствовала, как неприятно похолодели пальцы.

— Значит, вчера мы обсуждали невозможную планировку? — уточнил Волков.

— Мы обсуждали её по выданным исходным данным. Сегодня данные изменились. Я должна проверить решение.

— Сколько времени?

— На предварительный вариант — час. На проверенный план — до завтрашнего утра, если сейчас получу актуальные чертежи.

Он вернул планшет.

— Час у вас есть.

***

Павел отвёл нас в небольшую комнату, где стояли стол, несколько стульев и электрический чайник.

На стене висел календарь с фотографией готового отеля. Я невольно посмотрела на дату под ним: год был прошлый.

Мне прислали новые планы.

Следующие сорок минут я почти не поднимала головы.

Ирина отвечала на письма. Павел уходил и возвращался, говорил в рацию, давал кому-то указания. Волков сначала разговаривал по телефону у окна, потом сел напротив меня.

Молча.

Это оказалось значительно хуже вопросов.

— Вы можете не ждать, — сказала я наконец.

— Могу.

Я подняла на него глаза.

Он ждал продолжения.

— Для работы мне не требуется наблюдатель.

— А мне требуется понимать, что происходит с моим отелем.

— Сейчас с ним происходит проверка привязок.

Его взгляд скользнул к листу, где я уже успела нарисовать три варианта.

— У вас справа место освободилось.

— Там служебный проход.

— Его можно перенести.

— Только если люди, которые будут возить багаж, научатся проходить через вентиляционную шахту.

Он наклонился над столом.

Я почувствовала знакомый древесный запах и сердито задержала дыхание.

Ну не сейчас.

— А вот сюда? — спросил он.

Я посмотрела на отмеченное им место.

Потом потянулась за калькой.

— Стойку нужно развернуть, — сказала я. — Не двигать вдоль стены. Развернуть.

Он откинулся на спинку стула, освобождая мне свет.

Через двенадцать минут у меня был новый вариант.

Не такой эффектный на первый взгляд, как конкурсный. Зато входная зона становилась удобнее: появлялась прямая линия к лифтам, а ожидание можно было отделить невысокой перегородкой.

И тихая ниша сохранялась.

Я заметила её уже после того, как проверила основные проходы, и впервые за утро улыбнулась.

— Нашли? — спросил Волков.

— Предварительно.

Я разложила листы.

Павел вернулся как раз вовремя. Посмотрел, повёл пальцем по плану, задал два вопроса. На второй я пока не смогла ответить.

— Уточню у инженеров.

Он кивнул.

Уже без прежнего выражения.

— Так можно попробовать.

Волков долго изучал схему.

— Вы только что отказались от половины вчерашней презентации.

— Да.

— Легко?

Я посмотрела на исписанную кальку.

— Нет. Я над ней восемь ночей работала.

Он поднял глаза.

— Но защищать её дальше было бы дороже, — добавила я.

Несколько секунд он смотрел на меня так внимательно, что захотелось проверить, не осталось ли на лице карандашного следа.

— Хорошо, — сказал он. — Проверяйте этот вариант.

И повернулся к Павлу:

— А рассылку документации приведите в порядок сегодня. Следующий специалист не должен узнавать о переносе шахты на объекте.

Тот коротко кивнул.

Я собрала листы, стараясь не выдать облегчения.

Волков не похвалил меня.

Но и не заставил оплачивать чужую ошибку.

Для начала этого было непривычно много.

***

На втором обходе мне уже показывали не серые стены, а будущие помещения.

Здесь будет бар. Там — вход в ресторан. За временной перегородкой откроется проход во внутренний двор.

Я записывала, фотографировала, задавала вопросы.

Волков отвечал не на все, но когда отвечал, становилось понятно, почему он приехал лично. Он помнил расположение служебных лифтов в другом своём отеле, знал, где гости чаще жаловались на шум, и мог назвать кресла, которые пришлось менять через полгода после открытия.

— На визуализациях были прекрасны, — сказал он. — Сидеть невозможно.

— Вы пробовали?

Он посмотрел на меня.

— Теперь всегда пробую.

Я улыбнулась раньше, чем успела остановиться.

Он заметил.

И мне вдруг стало тесно в рабочем жилете.

Телефон зазвонил, когда мы остановились возле окон.

Я взглянула на экран.

Антон.

Улыбка исчезла сама собой.

Я отклонила вызов и убрала телефон.

Через несколько секунд он зазвонил снова.

— Ответьте, — сказал Волков.

— Не нужно.

Я отключила звук.

На экран тут же упало сообщение.

«Ты что, совсем меня вычеркнула? Я вообще-то отец».

Я сжала телефон так, что край чехла впился в ладонь.

Утром, пока Соня сдавала анализы, он не позвонил. Вчера не спросил, как она себя чувствует. Зато теперь, когда ему понадобились деньги, вспомнил правильное слово.

Отец.

— Виктория Андреевна?

Я подняла голову.

Павел что-то спрашивал о материалах стен.

— Простите. Повторите, пожалуйста.

Я убрала телефон в дальний карман сумки и заставила себя вернуться к работе.

Через несколько минут мы с Волковым остались возле окна вдвоём: Павла вызвали этажом выше, Ирина отошла ответить на звонок.

За стеклом двигалась стрела крана.

— У вас проблема? — спросил он.

— Сейчас нет.

— Если это влияет на сроки, я должен знать заранее.

От его тона меня неприятно кольнуло.

— На сроки это не повлияет.

— Вы уверены?

Я повернулась к нему.

— Если вам потребуется изменить время встречи, вы сообщите об этом Ирине. Если мне — я сообщу вам. Думаю, для работы этого достаточно.

Его лицо стало неподвижным.

Вот теперь можно было поздравить себя с первым рабочим конфликтом.

Я уже открыла рот, чтобы объяснить, что имела в виду, но он заговорил первым:

— Достаточно.

Я моргнула.

— Тогда к пятнице мне нужна обновлённая концепция, — продолжил он. — С промежуточной проверкой завтра.

— Завтра до двенадцати пришлю планировку.

Он кивнул.

И больше не спросил ни о чём личном.

Почему-то именно после этого я смогла окончательно успокоиться.

***

К двум часам у меня заболела голова.

Я списала это на каску, потом на пыль, потом вспомнила, что завтракала в шесть утра двумя ложками Сониной каши.

В комнате со старым календарём Ирина положила передо мной распечатанный договор.

— Ваш пункт исправили. Проверьте.

Я села.

Два круга правок. Отдельное согласование изменений задания. Платёж в течение двух рабочих дней.

Всё на месте.

Я прочитала ещё раз.

Волков вошёл, когда я переворачивала последнюю страницу.

— Обычно на этом месте люди уже устают, — заметил он.

— Поэтому самые интересные пункты иногда ставят в конце.

— Нашли?

— Пока только реквизиты.

Он снял каску. Провёл ладонью по волосам, и тёмная прядь упала на лоб.

Я опустила глаза к договору.

Реквизиты действительно были очень увлекательными.

Ирина отодвинула от края стола папки.

— Сейчас принесут обед. Виктория Андреевна, вы останетесь?

— Я не заказывала.

— Заказали на всех.

На минуту мне захотелось отказаться. Из той глупой гордости, которая почему-то просыпалась именно тогда, когда была совершенно не нужна.

Потом я вспомнила, что дома Соня наверняка спросит, ела ли я, и придётся снова врать.

— Спасибо. Останусь.

Я подписала договор.

Моя фамилия на последней странице получилась чуть более размашистой, чем обычно.

Волков поставил подпись следом. Быстро, без паузы.

Вот так.

Для него — ещё один документ перед обедом.

Для меня — возможность до пятницы не продать то, чего у меня уже не осталось.

Я закрыла ручку.

— Рабочий экземпляр вам отправят на почту, — сказала Ирина.

— Спасибо.

Пока она собирала бумаги, Волков положил рядом с моим планшетом карандаш.

Мой.

Тот самый, который вчера забрал на презентации.

Я узнала крошечную вмятину у грифеля.

— Кажется, ваш, — сказал он.

— Я думала, потеряла.

— Нет.

Почему-то от этого короткого ответа внутри стало тепло.

Я взяла карандаш и немедленно убрала в сумку.

Вместе с совершенно неуместной радостью.

***

За обедом выяснилось, что Волков умел молчать так, что остальные не чувствовали себя обязанными его развлекать.

Павел ел быстро и одновременно объяснял Ирине ситуацию с поставкой стекла. Я открыла заметки, чтобы дописать несколько вопросов, но крышка контейнера мешала держать планшет.

— Остынет, — сказал Волков.

Я посмотрела на него.

Он кивнул на еду.

— Планировка за десять минут никуда не денется.

Я отложила планшет.

Ирина скрыла улыбку за чашкой.

У Волкова зазвонил телефон. Он посмотрел на экран и сразу ответил:

— Да, Марк.

Голос изменился совсем немного. Пропала привычная отрывистость.

— Я помню… Нет, в четверг.

Он замолчал, слушая.

Потом встал.

— Подожди. Я сейчас выйду.

Дверь закрылась.

Я потянулась за вилкой.

— Если по освещению будут вопросы, можно мне напрямую связаться с вашим инженером? — спросила у Ирины.

Мы обсуждали контакты, когда Волков вернулся.

Он не сел. Забрал пальто со спинки стула, проверил время.

— Завтра планировку смотрим дистанционно, — сказал мне. — После двенадцати меня не будет.

— Хорошо.

— По текущим вопросам — Ирина. Если потребуется моё решение, у неё есть прямой номер.

Я кивнула.

Он надел пальто, но у двери остановился.

— И подготовьте то, что хотели добавить вчера.

Я не поняла.

— После презентации, — уточнил он. — Вы смотрели на последний слайд, будто что-то забыли.

Ночники.

Я совсем про них забыла.

— Дополнительный сценарий освещения в номерах, — сказала я. — Но номера не входят в мой объём.

— Пока не входят. Сначала покажите.

Когда дверь за ним закрылась, я ещё несколько секунд смотрела на пустой проём.

Потом достала телефон и написала Лене:

«Скажи Соне, про ночники договорилась».

Ответ пришёл почти сразу.

«Она спрашивает, можно ей тоже зарплату».

Я прикрыла рот ладонью.

И впервые за несколько дней засмеялась так, что не пришлось себя заставлять.

***

Дома пахло супом и клеем.

Лена сидела за кухонным столом, а Соня приклеивала к картонной коробке крышу.

— Это отель, — сообщила она.

Я присела рядом.

— А почему у него дверь наверху?

— Чтобы никто плохой не вошёл.

Лена подняла на меня глаза.

Я сделала вид, что поправляю съехавшую крышу.

— А хорошие?

Соня указала на нарисованную сбоку лестницу.

— Хорошие знают, куда идти.

— Удобно.

— Твой дядя одобрил ночники?

— Не мой дядя. Заказчик.

— Твой заказчик одобрил?

Я сняла пальто.

— Пока попросил показать.

Дочь удовлетворённо кивнула, как человек, знакомый с процессом согласования.

Позже, когда Соня уснула, а Лена ушла, я открыла рабочий чат. Ирина прислала подписанный договор и короткое сообщение:

«Документы в финансовом отделе. Завтра сообщу по платежу».

Я перечитала его.

Потом открыла переписку с Антоном.

За день он написал ещё четыре раза.

Я напечатала:

«По вопросам Сони пиши конкретно. Деньги я тебе переводить не буду».

Палец завис над кнопкой.

Я знала, что будет дальше. Обида. Обвинения. Несколько сообщений о том, как сильно я изменилась.

Да, изменилась.

Я отправила ответ и отключила уведомления.

На столе лежал карандаш, возвращённый Волковым. Я покрутила его в пальцах, открыла чистый лист и нарисовала небольшую панель у кровати.

Большая кнопка.

Мягкая подсветка.

Чтобы ребёнку не пришлось вставать в темноте.

***

Александр приехал домой раньше обычного.

В прихожей стояли кроссовки сына. Один завалился на бок, второй остался прямо посреди прохода.

Он поднял их и поставил рядом.

Из комнаты Марка доносились звуки игры.

Александр постучал.

— Можно?

— Угу.

Сын сидел за столом в наушниках. На экране двигались разноцветные фигуры. Рядом лежал раскрытый пенал и недоделанная модель самолёта.

— Ты звонил, — сказал Александр.

— Я уже спросил у водителя.

Он остановился возле двери.

— О чём?

— Завтра. Кто меня заберёт.

— Я.

Марк чуть повернул голову.

— У тебя встреча.

— Я перенёс.

Пауза затянулась.

— Мама тоже говорила, что приедет, — сказал мальчик и снова посмотрел в монитор.

Александр узнал этот тон. Сам пользовался им, когда не хотел, чтобы собеседник понял, насколько точно попал.

— Я буду в четыре, — произнёс он.

Марк ничего не ответил.

Но когда Александр вышел, звуки игры так и не возобновились.

В кабинете он включил свет, положил телефон на стол.

На экране было письмо от юриста. Завтрашняя встреча. Приложение с копией документа. Просьба ознакомиться заранее.

Он открыл файл.

Через несколько минут набрал номер.

Юрист ответил почти сразу:

— Александр Сергеевич. Вы прочитали?

— Прочитал.

— Тогда вы понимаете, почему я настаивал на личной встрече.

Александр ещё раз посмотрел на выделенный абзац.

Отец умел вмешиваться в его жизнь. Как выяснилось, смерть ничего в этом не изменила.

— У меня есть сын, — сказал он.

— Я знаю.

— Семья у меня тоже была.

— В документе речь не о прошлом.

Александр подошёл к окну. В стекле отразилось его лицо — усталое, злое.

— То есть вы предлагаете мне жениться?

— Я предлагаю завтра обсудить все варианты.

— Я спросил не об этом.

Юрист помолчал.

— Тогда да, Александр Сергеевич.

За дверью тихо скрипнул пол.

Александр обернулся.

На пороге стоял Марк.

— На ком? — спросил он.

Глава 3. Мелкий шрифт

— На ком? — повторил Марк.

Александр опустил телефон.

Сын стоял босиком, держа в руках сломанное крыло от модели самолёта. Видимо, за этим и пришёл. Теперь смотрел так, словно застал отца за чем-то неприличным.

— Я перезвоню, — сказал Александр в трубку.

— На маме? — спросил Марк.

С этим вопросом всё стало сложнее.

Можно было ответить уклончиво. Отправить спать. Пообещать поговорить позже — у Александра был большой опыт таких обещаний.

— Нет.

Марк опустил взгляд на деталь.

— А на ком?

— Я ни на ком не женюсь. Сейчас не о чем говорить.

— Тогда зачем ты спрашивал?

Александр провёл ладонью по лицу.

За день он решал вопросы, от которых зависели сотни миллионов. Но ответить десятилетнему мальчику так, чтобы не сделать хуже, оказалось труднее.

— Возникли сложности с дедушкиными документами.

— И тебе нужна жена?

В пересказе сына это звучало ещё нелепее.

— Примерно.

Марк повертел крыло.

— Понятно.

Александр ненавидел это его «понятно». После него сын обычно переставал спрашивать.

— Дай посмотрю.

Марк не сразу протянул деталь.

Крепление отломилось у основания. Александр включил настольную лампу.

— Клей остался?

— В коробке.

— Принеси.

Сын помедлил, потом пошёл в свою комнату.

Александр убрал со стола папку с документами.

Когда Марк вернулся, место рядом с отцом было свободно.

***

В четверг деньги пришли в девять семнадцать.

Я стояла у плиты и пыталась перевернуть блин, который имел собственное мнение о происходящем.

Телефон коротко звякнул.

Я прочитала уведомление.

Потом поставила сковороду на холодную конфорку.

— Мам, горит, — сообщила Соня.

— Уже нет.

Я смотрела на экран, пока дочь не потянула меня за край футболки.

— Ты чего?

— Зарплата пришла.

— Моя тоже?

Я засмеялась и обняла её так крепко, что она возмущённо засопела мне в плечо.

— Твоя тоже.

— Тогда мне фломастеры. Которые не сухие.

— Договорились.

В клинику я перевела деньги, сидя на табурете возле окна. Трижды проверила реквизиты. Сохранила чек в отдельную папку и отправила координатору.

Ответили через десять минут:

«Платёжное поручение получили. После зачисления подтвердим госпитализацию для обследования».

Я перечитала последнее слово.

Обследования.

Не операции.

Деньги открывали первую дверь. За ней была следующая, и я пока не знала, как через неё пройти.

Но сегодня могла хотя бы перестать стоять снаружи.

— Чего ревём? — спросила вошедшая Лена.

— Лук.

Она посмотрела на блины, на меня и молча поставила чайник.

***

К половине двенадцатого я успела убрать посуду, проверить рабочую почту и превратить кухонный стол в подобие офиса.

Из кадра торчал угол сушилки. Пришлось передвинуть ноутбук и подложить под него два тома по истории архитектуры.

Волков подключился без опоздания.

Тёмный пиджак, белая рубашка, знакомое выражение лица. За его спиной виднелись стеллаж и край картины.

— Добрый день.

— Добрый. Ирина Сергеевна будет?

— Позже посмотрит запись. Начинайте.

Я открыла планировку.

Сегодня говорить было легче. Деньги уже лежали не на моём счёте, но страх, с которым я двое суток проверяла уведомления, отпустил. Я снова могла думать о работе, а не о том, что произойдёт, если её потеряю.

Волков задавал короткие вопросы. Я показывала изменения, объясняла, где потребуются дополнительные расчёты.

На двадцатой минуте из коридора донёсся шёпот:

— Мам, я только воду.

Я обернулась.

Соня стояла на пороге в пижаме с лисами, прижимая зайца к животу.

— Лена где?

— В ванной.

Я потянулась к стакану, но дочь уже шагнула на кухню.

— Я сама.

Она взяла воду, сделала два глотка и прислонилась ко мне боком.

Слишком тяжело.

Я сразу отодвинула стул.

— Садись.

— Я просто постою.

— Сонь.

Она послушалась.

Я коснулась её лба и всмотрелась в лицо. Побледнела. Губы обычного цвета. Дышит ровно.

— Голова кружится?

— Уже нет.

В наушнике было тихо.

Я вспомнила о звонке.

— Александр Сергеевич, мне нужно несколько минут.

— Конечно.

Я выключила камеру и звук.

Лена вышла из ванной, едва я позвала. Мы помогли Соне перебраться на диван. Через несколько минут дочь уже спорила с нами, утверждая, что вполне могла дойти сама.

Я всё равно дождалась, пока она устроится под пледом.

— Иди, — тихо сказала Лена. — Я здесь.

На кухне я сначала выпила воды. Потом выровняла дыхание и включила камеру.

Волков ждал.

Перед ним теперь стояла чашка.

— Извините.

— Всё в порядке?

— Да.

Он помолчал.

— Можем перенести.

— Не нужно. Осталось немного.

Я вывела на экран схему освещения.

Первые две фразы пришлось прочитать по заметкам. На третьей я вернулась к привычному темпу.

Кнопки у кровати, проходной свет, мягкая подсветка пола. Ничего революционного. Просто вещи, о которых легко забыть, если оцениваешь номер только стоя в дверях.

— Вот это оставляем, — сказал Волков.

Я остановилась.

— Весь сценарий?

— Да. Подготовьте дополнение к заданию. По стоимости согласуете с Ириной.

Я записала.

— И ещё, Виктория.

Впервые без отчества.

Я подняла глаза.

— Я предложил перенести встречу не из вежливости. Если вам нужно уйти — скажите.

От этих слов внезапно стало труднее, чем от всех его вчерашних вопросов.

— Сейчас я могу закончить.

Он кивнул.

— Тогда по датчикам: они не будут включаться от движения одеяла?

Я почти улыбнулась.

— Если поставить правильно — нет.

***

Встреча с юристом началась на десять минут позже.

Александр закрыл рабочие файлы. Перед глазами всё ещё стояла женщина, которая за секунду перестала быть собранным архитектором.

Он видел, как она отодвинула стул. Как убрала волосы с лица дочери. Как смотрела на неё, проверяя что-то привычное и страшное.

— Вы изучили документы? — спросил юрист.

— Да.

Дальше были разъяснения. Сроки. Порядок исполнения воли отца. Возможности оспаривания, которые не давали Александру главного — уверенности, что он сохранит контроль до завершения сделки.

— Условия должны соблюдаться в течение года, — напомнил юрист.

Александр постучал пальцем по краю папки.

Отец называл это заботой о будущем семьи.

Даже сейчас решал, как сыну жить.

— А если я выполню условие?

— Тогда вопрос с пакетом будет решён в предусмотренном порядке.

— Мне понадобятся гарантии.

— Разумеется. Для вас подготовят…

— Не для меня.

Юрист замолчал.

Александр сам ещё не хотел признавать, что именно собирается сказать дальше.

***

После обеда Лена ушла на смену, а мы с Соней устроили на диване фломастерную мастерскую.

Новые фломастеры пахли детством и подозрительно ярко рисовали по пальцам.

— Это кто? — спросила я, указывая на высокую чёрную фигуру.

— Твой заказчик.

— Почему у него квадратная голова?

— Это шапка.

— Каска?

— Она.

Рядом Соня нарисовала меня. Волосы до пояса, красное платье, в руке что-то вроде лопаты.

— А это?

— Ты строишь.

Я решила не уточнять, почему архитектор роет землю в вечернем платье.

Телефон завибрировал на подлокотнике.

Координатор клиники.

Я взяла трубку и отошла к окну.

Платёж подтвердили. Дату тоже. Нужно было приехать в понедельник, привезти документы и результаты анализов.

Я записывала всё на обороте чека из магазина.

— И ещё, Виктория Андреевна. Направила вам уточнённую предварительную смету следующего этапа. Посмотрите, пожалуйста.

— Она изменилась?

— Добавились позиции после обсуждения с врачом. Точнее вам объяснят на консультации.

Я поблагодарила и открыла письмо.

Сначала решила, что смотрю не туда.

Потом увеличила документ.

Разница между старой суммой и новой была больше, чем я надеялась заработать за весь проект.

Я села.

— Мам, тебе какой цвет?

Соня протягивала мне два фломастера.

— Зелёный.

— Ты же синим рисовала.

— Тогда синий.

Она внимательно посмотрела на меня, но ничего не спросила.

Мы дорисовали дом. Приклеили крышу, которая всё время отваливалась. Поужинали.

Только когда дочь уснула, я позволила себе снова открыть письмо.

Сумма никуда не делась.

Я составила таблицу. Гонорар за проект. Расходы. Платежи по долгам. Возможная подработка.

Пересчитала.

Убрала всё, без чего можно было обойтись.

Пересчитала ещё раз.

В половине девятого пришло сообщение от Волкова.

«Завтра в одиннадцать сможете приехать в офис?»

Я посмотрела на рабочие файлы. Может быть, появились замечания. Может быть, он хотел расширить объём.

Любая дополнительная работа сейчас была подарком.

«Да. Что подготовить?»

Ответ пришёл не сразу.

«Ничего. Вопрос не касается проекта».

Я перечитала сообщение.

Потом написала:

«Предпочла бы понимать тему встречи заранее».

На экране появилась надпись: «Печатает…»

Исчезла.

Телефон зазвонил.

Я вышла на кухню и плотно прикрыла дверь.

— Слушаю.

— Вы всегда требуете повестку? — спросил Волков.

— Обычно это помогает не тратить чужое время.

Он коротко выдохнул. Возможно, усмехнулся.

— Справедливо.

Я ждала.

— Мне нужно обсудить с вами личное предложение.

Я выпрямилась.

Вспомнился прежний заказчик. Ладонь на пояснице, якобы случайная. Ужин, который оказался не деловым. И моё унизительное облегчение, когда удалось уйти, не потеряв хотя бы уже заработанное.

— Тогда мы можем сэкономить время прямо сейчас, — сказала я. — Я не встречаюсь с заказчиками.

Пауза.

— Я не приглашал вас на свидание.

— Хорошо.

— Но встретиться всё-таки придётся.

— Александр Сергеевич, по личным вопросам я ничего не должна.

Он молчал достаточно долго, чтобы я услышала, как за стеной включили воду.

— Вы правы, — произнёс он наконец. — Не должны. И отказ никак не повлияет на вашу работу.

Я медленно села на табурет.

— В таком случае скажите, что вы предлагаете.

— Это лучше обсудить лично.

Я посмотрела на лежащий передо мной чек. На обороте, под временем госпитализации, Соня успела нарисовать маленькое солнце.

— Сначала назовите тему.

На этот раз он ответил сразу:

— Брак, Виктория.

Я убрала телефон от уха. Посмотрела на экран, словно там мог оказаться другой человек.

— Простите?

— Мне нужна жена. На один год.

В квартире было тихо.

Я слышала только гул холодильника и собственное дыхание.

— Вы выбрали странного человека для шутки.

— Я не шучу.

— Тогда ещё более странного человека для предложения.

— Возможно. Поэтому я прошу только выслушать условия.

Я закрыла глаза.

Утром он согласовывал со мной выключатели. Днём я считала деньги на лечение дочери. Сейчас самый неподходящий мужчина из всех, кого я знала, предлагал мне стать его женой.

— И сколько стоит этот год? — спросила я.

Голос прозвучал чужим.

— Пять миллионов долларов.

Я посмотрела на Сонино солнце.

И впервые за весь разговор не нашла, что ответить.

Глава 4. Условия проживания

— Пять миллионов, — повторила я.

Проверить, правильно ли услышала, оказалось проще, чем придумать другой вопрос.

— После окончания года, — уточнил Волков. — Остальные условия обсудим завтра.

Я смотрела на кухонный шкафчик. На дверце отклеился угол плёнки, и я всё собиралась его подклеить.

Пять миллионов долларов.

Почему-то первой мыслью было, что шкафчик можно будет заменить.

Потом — что я больше никогда не услышу от администратора клиники: «Вам нужно внести…»

Я резко выпрямилась.

— Я ещё не согласилась приехать.

— Знаю.

— И не соглашалась выходить за вас.

— Это тоже.

Он не торопил. Наверное, умел ждать, когда сумма продолжит разговор вместо него.

— В одиннадцать? — спросила я наконец.

— Да.

— Я приеду выслушать. Только выслушать.

— Хорошо.

После звонка я долго держала телефон в руке.

Потом открыла калькулятор. Закрыла, не набрав ни одной цифры.

***

— Нет, — сказала Лена.

Она сидела напротив меня, не снимая куртки. Забежала перед работой забрать забытые наушники и получила гораздо больше, чем рассчитывала.

— Я ничего не ответила.

— Ты идёшь.

— На встречу.

— Вика.

Я поправила ручку чашки. Зачем-то повернула её точно вправо.

— Мне нужно понять, что он предлагает.

Лена посмотрела на закрытую дверь комнаты, где Соня досматривала сон.

— А тебе не страшно?

— Страшно.

От этого короткого признания стало немного легче.

— Тогда зачем?

Я подвинула к ней телефон с письмом из клиники.

Она прочитала. Увеличила экран.

Опустила телефон на стол.

— Господи.

Мы помолчали.

— Это не значит, что я соглашусь, — сказала я.

Лена расстегнула куртку.

— Тогда слушай. Ничего сегодня не подписывай. Вообще ничего. Даже бумажку, что тебе понравился кофе.

— Лен…

— И свои документы никому не отдавай.

Я улыбнулась.

Она — нет.

— Я серьёзно. Ты когда пугаешься за Соню, перестаёшь думать о себе.

Я хотела возразить.

Вместо этого убрала письмо с экрана.

***

В одиннадцать я сидела в кабинете Волкова.

Без планшета, тубуса и привычной защиты из планировок.

Оказалось, когда между нами не было работы, смотреть на него гораздо сложнее.

Сегодня он был в тёмном костюме с галстуком. Волосы аккуратно зачёсаны, на столе ни одной лишней вещи. Только тонкая серая папка возле моей руки.

Я пока её не открывала.

— Кофе? — спросил он.

— Воду.

Он поставил передо мной бутылку и сел напротив.

Не за свой огромный стол. В кресло у небольшого переговорного.

Я заметила эту предусмотрительность и почему-то разозлилась.

— Начните с причины.

Волков сцепил пальцы.

— Часть акций группы принадлежала моему отцу. После его смерти выяснилось, что передача пакета связана с условиями, которые он установил.

— С вашим браком?

— Да. И совместной семейной жизнью в течение года.

— А просто получить наследство нельзя?

— Я рассматриваю и другие варианты. Но они требуют времени, а сделка, которую я готовлю, ждать не будет. Без этого пакета у меня недостаточно голосов.

Я провела большим пальцем по крышке бутылки.

— Ваш отец хотел, чтобы вы создали семью. А вы решили нанять жену.

Лицо Волкова стало жёстче.

— Мой отец любил принимать решения за других.

— Похоже, это семейное.

Он медленно разжал руки.

Я уже пожалела о сказанном, но извиняться не стала.

— Поэтому вы здесь разговариваете со мной, — ответил он. — А не получаете приглашение на собственную свадьбу.

Я отвела взгляд к окну.

Внизу шёл мелкий дождь.

— Почему я?

Он помолчал.

— Вы не связаны с моим окружением. У вас есть работа, которую вы не хотите потерять ради знакомства со мной. И вы умеете говорить «нет».

— Последнее должно вам мешать.

— Наоборот. Мне нужен человек, который скажет о проблеме до того, как она станет катастрофой.

— Вы знаете меня три дня.

— Да.

— И этого достаточно?

— Для доверия — нет. Для предложения — достаточно.

По крайней мере, он не пытался убедить меня, что разглядел во мне что-то исключительное.

Я открыла папку.

Первой шла страница с краткими условиями.

Один год с даты регистрации брака. Совместное проживание. Публичные мероприятия по предварительному согласованию. Конфиденциальность.

Вознаграждение.

Я задержала взгляд на сумме и заставила себя читать дальше.

— Отдельные спальни, — произнесла вслух.

— У меня достаточно места.

— Я не о площади.

Волков посмотрел прямо на меня.

— Никаких обязательств такого рода. Ни в документе, ни вне его.

От облегчения даже стало неловко.

Я перевернула страницу раньше, чем он успел это заметить.

— На людях мы изображаем счастливую пару?

— Да.

— Объятия? Поцелуи?

Он не отвёл взгляда.

— Это придётся обсудить.

У меня нагрелись щёки.

Я очень хорошо помнила его пальцы на своём карандаше. Совершенно неподходящее воспоминание для переговоров.

— Обсудить заранее, — сказала я. — Не ставить меня перед фактом.

— Согласен.

Я сделала пометку.

Карандаш оставлял на бумаге слишком бледный след. Пришлось нажать сильнее.

— А здесь? «Отсутствие личных ожиданий».

— Это деловое соглашение, Виктория. Не начало отношений.

— Никаких чувств?

— Именно.

Я подняла глаза.

— Вы это себе тоже запишите. На всякий случай.

Уголок его рта дрогнул.

Всего на мгновение.

Но мне хватило, чтобы пожалеть о собственной реплике.

***

На четвёртой странице я перестала чувствовать себя человеком, которому сделали невозможное предложение.

Стала женщиной, проверяющей документ.

Так было безопаснее.

— Моя работа над отелем?

— Продолжается. Отдельный договор, отдельная оплата.

— Если я откажусь от брака?

— Ничего не изменится.

— Если соглашусь, а потом мы не сможем жить вместе?

— Для этого предусмотрено досрочное расторжение.

Я нашла нужный раздел.

Прочитала.

Ещё раз.

— Здесь почти всё решаете вы.

— Это первый проект.

— Очень заметно.

Я подвинула папку на середину стола и указала на строку.

— «Поведение, наносящее ущерб репутации». Что это? Скандал? Разговор с подругой? Не то платье?

— Не платье.

— Тогда нужна конкретика.

Он взял ручку.

Я следила, как быстро и ровно он записывает замечания.

— Расходы на мероприятия, одежду и поездки не вычитаются из вознаграждения, — продолжила я. — И рабочие встречи нельзя назначать мне в любое время только потому, что я живу у вас.

— Потребуется гибкость.

— С обеих сторон.

Он кивнул.

Я не ожидала, что он будет соглашаться так легко.

И от этого тревога только усиливалась: либо я упускала главное, либо цена этого года для него действительно была несопоставима с моей.

— Теперь о Соне, — сказала я.

Волков отложил ручку.

***

— Она живёт со мной, — произнесла я. — Всегда. Это не обсуждается.

— Я и не предлагал иначе.

— Никаких фотографий для прессы без моего согласия. Никаких мероприятий, на которых ей нужно улыбаться незнакомым людям ради вашей сделки.

— Хорошо.

— И я не буду заставлять её называть вас папой.

Он чуть откинулся в кресле.

—У меня десятилетний сын. Он и так зовёт меня папой

Я вспомнила голос, которым он отвечал на звонок на стройке.

— Марк?

Волков кивнул.

— Он живёт с вами?

— Большую часть времени.

Я посмотрела на строчку «совместное проживание».

До этой секунды она означала чужую квартиру, отдельную спальню, необходимость прятать домашнюю футболку перед приходом гостей.

Теперь в этой квартире появился мальчик, которому никто ещё ничего не объяснил.

— Он знает?

— О вас — нет.

— А о том, что вы собираетесь жениться?

Волков отвёл взгляд.

Совсем ненадолго.

— Слышал часть разговора.

Я закрыла папку.

— С детьми так не получится.

— Как?

— Сначала договориться, а потом поставить перед фактом.

На его щеке напряглась мышца.

— Я сам поговорю с сыном.

— Разумеется. Но мы с Соней не въедем к вам в день свадьбы, если до этого даже не познакомимся.

Он посмотрел на закрытую папку.

Потом на меня.

— Организуем встречу.

— Не собеседование. Обычную встречу. Чтобы у них было право хотя бы не понравиться друг другу.

— И что тогда?

Вопрос прозвучал спокойно.

Я стиснула карандаш.

Вот теперь ответ стоил денег.

Очень больших.

— Тогда мы поищем другое решение. Или не заключим соглашение.

Волков долго молчал.

— Хорошо, — сказал наконец.

***

Оставалось самое трудное.

Я открыла папку на первой странице, хотя уже помнила нужную строчку.

Выплата после окончания года.

— Мне не подходит график расчётов.

Он не спросил почему.

Просто ждал.

Я несколько секунд рассматривала собственную пометку на полях.

— Моей дочери требуется лечение.

Произнести это в его кабинете оказалось почти физически больно. Будто я сама выставила на стол то, что должна была защищать.

— Я не знаю, сколько оно займёт. И не могу ждать год.

Волков не шевельнулся.

— Какая сумма нужна сейчас?

— Прежде чем я отвечу… Вы знали?

— О лечении?

Я кивнула.

Он покачал головой.

— Вчера на звонке понял, что что-то не так. Но причин не знал.

Я выдохнула.

Не до конца.

— В понедельник мы ложимся на обследование. Его я оплатила. Потом понадобится операция. Есть предварительная смета, но она уже менялась.

Голос начал подводить. Я потянулась к воде.

Крышка не поддавалась.

Волков протянул руку, но я справилась сама.

— Я могу оплатить лечение отдельно, — сказал он.

Я поставила бутылку.

— Что значит «отдельно»?

— Клиника выставит счёт.

— А если через месяц вы решите, что я плохо играю жену?

Он нахмурился.

— Оплата лечения не будет зависеть от этого.

— Сейчас вы так говорите.

Слова повисли между нами.

Я видела, что они ему не понравились.

Но у меня уже был мужчина, который обещал, что всё будет хорошо. Несколько лет я подписывала бумаги, потому что верила ему больше, чем написанному.

Второй раз мне требовалось другое.

— Я понимаю, — произнёс Волков после паузы.

Не уверена, что понимал.

Но он снова взял ручку.

— Оплата лечения — с момента подписания соглашения. Без обязанности возврата при прекращении брака. Юристы подготовят формулировки.

Я смотрела на него.

— Даже если уйду я?

Ручка остановилась.

— Даже тогда.

Мне пришлось отвернуться к окну.

От благодарности можно было согласиться на что угодно. Именно поэтому сейчас нельзя было соглашаться.

***

— Мне нужен свой юрист, — сказала я.

— Конечно.

— Не тот, которого выберете вы.

— Найдите того, которому доверяете. Если нужно, расходы на консультацию…

— С этим я разберусь.

Он кивнул.

Я собрала листы, выровняла края.

Руки больше не дрожали.

— Когда вам нужен ответ?

— В понедельник.

Я посмотрела на него.

— В понедельник я буду в больнице.

— Тогда во вторник.

До вторника оставалось несколько дней, за которые мне предстояло решить, можно ли прожить целый год рядом с этим человеком.

И не перепутать облегчение с доверием.

— Я не обещаю сказать «да».

— Я услышал.

Волков поднялся вместе со мной.

У двери я остановилась.

— Александр Сергеевич.

— Да?

— Если мы договоримся, я буду соблюдать условия. Но Соня не должна думать, что её можно оставить, когда закончится срок.

Он ничего не ответил сразу.

Впервые за всю встречу у него не нашлось готовой формулировки.

Потом он посмотрел мне в глаза.

— Марк тоже.

Я крепче прижала папку к себе.

До этого момента я считала, что главный риск — выйти замуж за чужого мужчину.

Теперь поняла: придётся ещё суметь уйти из чужой семьи.

Глава 5. Место за столом

— Он красивый? — спросила Лена.

Я подняла голову от документов.

— Это единственное, что тебя интересует?

— Нет. Но по остальным пунктам ты ходишь кругами уже сорок минут.

Мы сидели на кухне. Соня спала, за стеной у соседей работал телевизор. На столе между чашками лежала серая папка.

Я рассказала почти всё.

Кроме того, как Волков сказал: «Марк тоже».

Почему-то именно эти два слова хотелось оставить при себе.

— Красивый, — признала я.

Лена поморщилась.

— Лучше бы лысый и с одышкой.

— Почему?

— Тогда было бы проще помнить, что это работа.

Я посмотрела на своё отражение в тёмном окне.

— Я помню.

— Сейчас — да.

Она подтянула к себе папку, но открывать не стала.

— У меня сестра клиентки — юрист. Я спросила, можно ли дать тебе её номер. Завтра утром примет.

— Ты уже договорилась?

— Я договорилась, чтобы тебе ответили на вопросы. Решать будешь сама.

Лена достала телефон.

Я смотрела на её пальцы с облупившимся лаком и думала, что за последние месяцы она слишком часто делала за меня то, на что у меня не оставалось сил.

— Спасибо.

— Подожди благодарить. Консультация платная.

— Вот теперь я спокойна.

Она улыбнулась, но почти сразу посерьёзнела.

— Вика, только не называй это единственным выходом.

Я опустила глаза.

— Когда так называешь, — добавила Лена, — перестаёшь замечать, куда входишь.

***

В субботу я вышла из небольшого офиса с исписанным блокнотом.

Женщина, к которой меня отправила Лена, не ахнула при виде суммы. Не спросила, красивый ли Волков. Зато почти час задавала вопросы, на половину которых у меня не было ответа.

Что произойдёт, если лечение затянется?

Кто будет знать о соглашении?

Где я окажусь с дочерью, если совместная жизнь закончится раньше срока?

Что именно мне запрещают рассказывать и кому?

К концу консультации пять миллионов всё ещё оставались огромными деньгами. Но год перестал казаться коротким.

Я отправила Волкову список замечаний.

Последним пунктом написала:

«До решения хочу познакомиться с вашим сыном».

Он позвонил через несколько минут.

— Завтра в час подойдёт?

— Где?

— У меня дома.

Я остановилась возле пешеходного перехода.

— Я думала о нейтральном месте.

— Марк отказывается куда-либо ехать.

По крайней мере, не «у Марка другие планы».

— Он не хочет знакомиться?

— Полагаю, не хочет. Но сказал, что дома будет.

Рядом женщина поправляла шарф ребёнку. Тот недовольно крутил головой.

— Тогда ненадолго, — сказала я. — И без сюрпризов. Он должен знать, что я приеду с дочерью.

— Знает.

— Соня может устать. Если ей понадобится уйти, мы уйдём.

— Виктория, я приглашаю вас пообедать.

— Я поняла.

— Не похоже.

Я невольно улыбнулась.

Он, кажется, услышал.

— В час, — повторил уже мягче.

***

В воскресенье я трижды переоделась.

В сером платье выглядела так, словно ехала знакомиться с будущей свекровью. В чёрных брюках и белой блузке — защищать смету.

Остановилась на джинсах и мягком кремовом джемпере.

Волосы оставила распущенными. Тёмные пряди всё время лезли в лицо, и я уже хотела собрать их, когда Соня сообщила:

— Так красиво.

Резинку я убрала в карман.

— Мы к твоему заказчику?

— Да. У него есть сын. Марк.

— Маленький?

— Ему десять.

Соня задумалась.

— Он уже читает про себя?

— Думаю, да.

— Тогда большой.

В машине она держала на коленях рисунок отеля.

Водителя Волков предложил сам. Я сначала отказалась, потом посмотрела на прогноз, на Соню и согласилась.

Учиться принимать помощь оказалось почти так же трудно, как просить о ней.

Возле дома я поправила дочери шапку.

— Если захочешь домой, скажи мне.

— А если не захочу?

Я замялась.

— Всё равно скажи.

Она вздохнула. Взрослые опять усложняли понятные вещи.

***

Дверь открыл сам Волков.

Без костюма он выглядел непривычно: тёмные брюки, тонкий джемпер с закатанными рукавами. На запястье часы. На подбородке едва заметная щетина.

Я слишком быстро отвела взгляд.

— Проходите.

Соня спряталась за моей ногой.

Он не присел перед ней, не потянулся знакомиться. Просто отступил, освобождая проход.

— Можно разуться здесь. Пол тёплый.

Это подействовало.

Дочь осторожно ступила на камень в носках.

Потом второй раз, проверяя.

— Правда.

— Я обычно проверяю, прежде чем говорить.

— Не всегда, — вырвалось у меня.

Волков посмотрел поверх её головы.

— Сегодня постараюсь.

Я сняла пальто, чувствуя, как предательски теплеет лицо.

В гостиной пахло деревом и чем-то печёным. Огромные окна, светлый ковёр, низкие диваны. Красиво. Дорого.

И почти нигде ничего не лежало.

Только на подоконнике возле кресла стояла модель самолёта. Одно крыло удерживала тонкая полоска малярной ленты.

Марк сидел за столом с планшетом.

Тёмные волосы, прямые брови. На отца он был похож сильнее, чем наверняка хотел бы.

— Здравствуй, — сказала я. — Я Виктория.

Он поднял глаза.

— Знаю.

Волков чуть повернулся к сыну, но я успела продолжить:

— А это Соня.

Дочь выглянула из-за меня.

— Мне пять.

Марк кивнул.

Потом снова посмотрел в экран.

Мы постояли ещё секунду.

— Куда можно положить рисунок? — спросила я у Волкова.

Соня тут же прижала лист к животу.

— Я сама.

Она подошла к столу и положила перед ним отель с квадратным человеком в каске.

Волков взял рисунок.

Рассматривал серьёзно, не улыбаясь той взрослой улыбкой, которую дети обычно чувствуют сразу.

— Это я?

— Ты на работе, — объяснила Соня.

— Вижу.

— А это мама. Только она обычно не в платье.

Я закрыла глаза.

Марк впервые оторвался от планшета надолго.

***

За столом выяснилось, что Соня не любит соус, Марк — вопросы о школе, а Волков не умеет вовремя остановиться, когда пытается поддержать беседу.

— По математике разобрался? — спросил он.

— Да.

— Учителю написал?

— Пап.

В одном слове уместилась просьба прекратить.

Волков отложил вилку.

Я сделала вид, что занята хлебом.

Соня посмотрела на Марка.

— Ты умеешь читать про себя?

— Умею.

— А вслух?

Он нахмурился.

— Тоже.

— Тогда зачем про себя?

Марк открыл рот. Закрыл.

— Чтобы другим не мешать.

Дочь подумала и подвинула к нему хлебницу.

Возможно, в знак уважения.

Через несколько минут разговор наконец свернул с учёбы на самолёт у окна.

Оказалось, Марк собирал его почти месяц. Потом уронил.

— Папа крыло приклеил, — сказал он.

Волков потянулся за водой.

— Пока держится.

Марк посмотрел на него.

— Ты нормально приклеил.

Это прозвучало негромко.

Я заметила, как замерла рука Волкова на горлышке графина.

Всего на мгновение.

Потом он налил сыну воды.

— Хорошо.

Я опустила глаза в тарелку, давая им обоим возможность сделать вид, что ничего особенного не произошло.

***

После обеда Соня захотела рассмотреть самолёт.

Не трогать. Только посмотреть.

Я узнала эту интонацию и встала рядом.

Марк сам снял модель с подоконника.

— Тут винт крутится.

Соня сцепила руки за спиной.

— Можно?

Он осторожно повернул самолёт.

— Одним пальцем.

Я отошла, только когда убедилась, что они справляются без меня.

Волков стоял у кухонного острова. Перед ним были две чашки.

— Чай?

— Спасибо.

Он подвинул чашку ко мне. Наши пальцы почти встретились на блюдце.

Я убрала руку чуть раньше, чем требовалось.

Он заметил. Не показал.

Из гостиной доносился голос Марка — ровный, терпеливый. Он объяснял, почему самолёту нужны закрылки.

— Вы ему сказали, кто я? — спросила я тихо.

— Сказал, что мы познакомились по работе. И думаем, сможем ли стать ближе.

Я посмотрела на него.

— Это довольно далеко от правды.

— А вы что сказали дочери?

— Что мы идём к моему заказчику.

Он кивнул.

Не споря.

От этого стало неприятнее, чем если бы поспорил.

Я взяла чашку.

— Не хочу, чтобы они привыкли к тому, чего потом не будет.

Волков посмотрел в сторону гостиной.

— За год они в любом случае привыкнут.

Впервые он произнёс вслух то, что я старалась обойти в своих списках условий.

— Тогда нельзя обещать им навсегда, — сказала я.

— Согласен.

Чай оказался слишком горячим. Я поставила чашку.

***

Через полчаса Соня устала.

Я заметила раньше, чем она успела начать доказывать обратное: стала тише, присела прямо на ковёр, потёрла щёку ладонью.

— Зайка, собираемся.

— Я ещё не досмотрела.

— В другой раз.

Слова вылетели сами.

Мы с Волковым одновременно посмотрели друг на друга.

Марк отступил, пропуская меня к дочери.

— Тут можно на диване полежать, — сказал он.

— Спасибо. Нам уже пора.

Я помогла Соне подняться. Она обняла меня за шею, и я подхватила её, привычно перехватив под коленями.

Волков сделал движение навстречу.

Остановился.

— Я принесу обувь.

Он не стал забирать у меня дочь.

Почему-то именно это я запомнила.

В прихожей Соня оживилась, увидев свой рисунок на узкой консоли.

— Ты его не выбросишь?

Волков взял лист.

— Нет.

— А то тут мама долго раскрашивала. Окна.

— Я заметил.

Марк стоял в дверях гостиной.

Я попрощалась с ним, застёгивая дочери куртку.

— Ты ещё придёшь? — спросил он.

Я подняла голову.

Волков тоже смотрел на меня. Но ничего не подсказал.

— Пока не знаю, — ответила я. — Если соберёмся, сначала договоримся с вами.

Марк кивнул.

Потом посмотрел на отца.

— Ты сейчас тоже уедешь?

В квартире стало очень тихо.

— Нет, — сказал Волков. — Сегодня останусь.

Сын поддел носком край ковра.

— Там второй самолёт есть. В коробке.

— Доставай.

Я отвернулась к Сониной шапке.

Поправила её, хотя она и так сидела ровно.

***

В машине дочь уснула почти сразу.

Я держала её ладонь и смотрела на проплывающие за окном витрины.

В сумке лежал телефон с письмом юриста. В голове — вопросы, которых не было ни в одном документе.

Как не привязаться к мальчику, который спрашивает, останется ли отец дома?

Как объяснить дочери, почему через год придётся забрать рисунок с чужой консоли?

И зачем я заметила, каким становится лицо Волкова, когда он смотрит на сына?

Телефон коротко завибрировал.

«Доехали?»

Я ответила, что ещё в пути.

Следующее сообщение пришло через минуту.

«Марк сказал, можно приехать ещё».

Я посмотрела на спящую Соню.

Потом набрала:

«Это он сам сказал?»

«Да».

Ниже появилось ещё одно сообщение.

«Я тоже буду рад».

Я долго смотрела на эти четыре слова.

Потом открыла заметки с условиями соглашения.

Нашла строку «Никаких чувств».

И впервые подумала, что мы слишком легко с ней согласились.

Глава 6. Моя подпись

В больничную сумку не помещался заяц.

Я вынула тапочки, переложила пижаму, убрала запасную кофту. Заяц всё равно торчал наружу одним ухом.

— Можно я его понесу? — спросила Соня.

Я подняла на неё глаза.

Она стояла в прихожей уже одетая. Шапка съехала на брови, варежки висели на шнурке, хотя на улице было слишком тепло для варежек.

— Можно.

Я застегнула сумку.

Все эти вещи я складывала с таким упорством, будто от правильного порядка зависело, что нам скажут сегодня.

Документы. Зарядка. Вода. Любимая пижама.

Хорошая мать ничего не забывает.

Особенно то, где взять деньги.

— Мам, мы там долго?

— Несколько дней.

— А потом домой?

— Потом домой.

Соня поправила заячье ухо и удовлетворённо кивнула.

Я проверила, выключена ли плита.

Дважды.

***

В палате было две кровати и окно, из которого виднелась соседняя стена.

Соня выбрала место ближе к двери.

— Почему здесь? — спросила я.

— Чтобы ты сразу меня находила.

Я поставила сумку на свободный стул.

— Найду в любом месте.

Она усадила зайца на подушку и начала знакомить его с новой обстановкой. Шёпотом, потому что за стеной кто-то спал.

Пока медсестра заполняла бумаги, я разглядывала выключатель. Слишком высоко для ребёнка. Над кроватью был отдельный светильник, но кнопку спрятали за тумбочкой.

Я придвинула тумбочку ближе.

Хоть что-то можно было исправить руками.

К полудню мы прошли первые обследования. Соня устала и обиделась на пластырь, который никак не хотел отклеиваться от рукава.

Я осторожно освободила ткань.

— Всё. Победили.

— Он противный.

— Очень.

— Ты тоже его не любишь?

— Мы с ним давно не ладим.

Дочь слабо улыбнулась.

Телефон завибрировал, когда она уснула.

«Как вы устроились?»

Волков.

Я посмотрела на сообщение, потом на часы.

На его месте я бы сейчас проводила совещание. На своём — сидела в больничной палате и испытывала странное облегчение от того, что он помнил.

«Нормально. Ждём врача».

«Что-нибудь привезти?»

Я уже набрала «нет», когда заметила забытый на подоконнике дома пакет с Сониными фломастерами. Представила, как придётся снова развлекать её рисунками ручкой на обороте направлений.

«Фломастеры. Лена сможет передать вашему водителю».

Ответ пришёл сразу:

«Пришлите её номер, если она не против».

Ни обещаний всё решить, ни вопросов, почему я не взяла сама.

Я написала Лене.

Потом убрала телефон.

***

Врач говорил спокойно.

Я заранее попросила не подбирать для меня утешительные слова, но, когда он начал объяснять, пожалела о своей просьбе.

Я записывала. Переспрашивала. Старалась отделить то, что уже известно, от того, что станет ясно после обследования.

Операция была нужна.

Не завтра утром. Но и откладывать её на неопределённый срок было нельзя.

— Предварительные расчёты у вас есть? — спросил врач.

Я кивнула.

— После обследования уточним объём. Координатор с вами всё обсудит.

Я закрыла блокнот.

На последней строчке вместо слова «документы» почему-то написала «дома».

— Она будет бегать? — спросила я.

Врач посмотрел на меня внимательнее.

— Давайте сначала пройдём этот этап.

Я кивнула ещё раз.

У меня отлично получалось кивать.

В коридоре я дошла до автомата с водой, достала карту и вдруг поняла, что не помню, хотела пить или просто искала место, где можно постоять.

За стеклом лежали шоколадки.

Я выбрала ту, которую любила Соня.

Автомат выдал её с громким стуком, и я вздрогнула.

***

Волков приехал в половине седьмого.

Я вышла к лифтам, ожидая увидеть водителя с пакетом, и остановилась.

Он стоял у окна с Сониными фломастерами в прозрачном файле. В другой руке держал бумажный пакет.

Слишком высокий, слишком собранный для этого коридора с потёртым линолеумом.

— Вы сами?

Он посмотрел на файл.

— Не доверил такую ценность помощнику.

Я не улыбнулась.

Тогда он тоже перестал пытаться.

— Я был недалеко.

Удобная фраза. Позволяла не выяснять, насколько недалеко.

Я взяла фломастеры.

— Спасибо.

— Здесь ещё еда. Лена сказала, вы с утра на печенье.

Предательница.
Я опустила взгляд на пакет.
— Мне неудобно.
— Есть в коридоре действительно неудобно. Здесь есть комната для родителей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.